

ЖИВАЯ ПРОЗА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

СОВРЕМЕННЫХ

РОССИЙСКИХ

ПИСАТЕЛЕЙ

АНАТОЛИЙ МАЛКИН

ПОЧТИ ВСЕ
О ЖЕНЩИНАХ
И НЕМНОГО О ДЕЛЬФИНАХ

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М19

Оформление серии *Петра Петрова*

В оформлении переплета использовано фото
из архива автора

Малкин, Анатолий Григорьевич.

М19 Почти все о женщинах и немного о дельфинах :
сборник повестей / Анатолий Малкин. — Москва : Из-
дательство «Э», 2016. — 320 с. — (Живая проза. Произ-
ведения современных российских писателей).

ISBN 978-5-699-87750-8

Книги Малкина о любви. А значит, о людях. Он пишет о не-
молодых. Но настаивает, что яркость жизни, сила любви зави-
сят не от количества лет, а от качества отношения к этой самой
жизни. Его герои страдают, маются, любят, радуются и, что
важно, — удивляются. Автор учит нас видеть обычную, повсе-
дневную жизнь как чудо. Каждый человек чудесен, если к нему
внимательно приглядеться.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87750-8

© Малкин А., текст, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ПОЧТИ ВСЕ О ЖЕНЩИНАХ И НЕМНОГО О ДЕЛЬФИНАХ

1

Она уходила из меня. Я не знал, как назвать ее — сказать жизнь или энергия было бы просто и как-то скучно. Уходила сама суть, твердость и стремление. Пружина, туго свернутая глубоко внутри, смягчала свою упругость и, расширяясь, раскатывала тело в тонкий лист, который слабо шевелился под дуновениями воздуха. Сладкая слабость не пугала больше, в ней хотелось нежиться, уплывая в бесконечный ласковый сон. Когда в пальцы, в ноги и шею пришло онемение, и я понял, что превращаюсь в беспомощный обрубок, то глаза открылись сами собой. Я долго пытался пошевелиться и даже начал рычать от бессилия. Но проснулся окончательно, только когда ожил мизинец на правой ноге — потеплел и стал прежним, своим.

Этот сон повторялся все чаще, и я долго думал почему, но сегодня понял, что это старость колдует надо мной ночью, приготавливая к неизбежному.

Вообще стремительный переход в ряды пожилых, в ряды той части человечества, за которой существуют только уже вовсе мамонты-долгожители, вызывал оторопь. Даже писать об этом можно, лишь прикинувшись, что речь идет о ком-то другом, писать, размышляя над повадками и странностями, болезнями и чудачествами, крашеными волосами и вставными зубами, мрачной раздражительностью, занудством, забывчивостью, слезливостью, жалкостью и еще тысячью признаков, которых мы сторонимся, над которыми мы посмеиваемся или мелко крестимся внутри, неожиданно столкнувшись с ними. Старость, конечно, часть жизни, но ты твердо уверен, что часть другой, не твоей, пока не увидишь ее в зеркале.

И вот, разглядев в нем старика, очень важно не испугаться и понять, что вот это точно навсегда и завтра теперь — просто статистическая случайность.

А дальше подстерегает еще одна история — можно начать суетиться, торопясь наверстать упущенное, и, если это вдруг победит тебя — мир сразу превратится в квадратные метры, жидкую жвачку из безвкусной еды и череду бесцветных впечатлений.

Б-р-р-р!

Особенно располагают к этой напасти съемные

квартиры, в которых с третьего взгляда только и понимаешь, что за потолок нависает над тобой и как нащупать дверь в чужой темноте.

2

Нервное уныние меня терзает обычно в середине ночи, часов так около четырех, но если открыть окно и глотнуть свежего воздуха — на двадцатом этаже он даже без примеси запахов асфальта и бензиновой гари, — то потом и в десять из сна никак себя невозможно вырвать.

Но сегодня как-то по-особенному не спалось. Я огорчился, что сладость спать без задних ног старость потихоньку тоже уволокла, но потом вспомнил, как засыпал вчера и почему мозги продолжают бунтовать.

Еще в советские годы, когда обретался в студентах, неожиданно оказался в Публичке. Бесконечное здание библиотеки казенного желтого цвета занимало почти целый пролет набережной между двумя мостами через Фонтанку, а анфилады читальных залов были усеяны множеством длинных деревянных столов, освещенных тусклым светом громоздких бронзовых ламп под зелеными стеклянными абажурами.

Проникнуть в хранилище запрещенных к общему доступу знаний мне удалось благодаря письму из деканата, направлявшего меня в это свя-

тая святых для проведения научной работы по истории революционного движения. На самом деле я собирался писать сценарий для студенческой агитбригады, но для маскировки обложился кучей толстенных книг из собраний сочинений разных классиков марксизма, а уж к ним вдогонку заказал и несколько архивных подшивок пожелтевших газет начала прошлого века и зарылся в них, разглядывая картинки неведомой мне жизни, выписывая стихи Саши Черного, Мариенгофа, Северянина, а также забавные объявления и анекдоты.

И вдруг наткнулся на статью немецкого нумеролога, в которой описывался способ вычисления длительности жизни. Совсем простой. Нужно было сложить цифры дня, месяца и года рождения, потом умножить полученный результат на количество прожитых лет, прибавить год, в котором живешь сейчас, и разделить на некий коэффициент.

И я сдуру начал считать годы жизни своего отца. Когда понял, что, по подсчетам, ему осталось протянуть всего пару месяцев, перепугался смертельно — тут же сдал газеты, а библиотеку с того дня стал обходить по другой стороне реки.

Но это не помогло — цифры оказались верными.

Несколько раз с тех пор, взрослея и двигаясь по уже известной мне шкале жизни, я пытался

вспомнить методику расчета, но страх оказался так силен, что самое важное действие начисто исчезло из памяти, словно там сработал какой-то предохранитель.

А сегодня ночью вспомнил.

В предраассветном сонном мороке, тягучем и неотступном, похожем на тот, что заманил Германа из «Пиковой дамы» в убийственную ловушку, ко мне вдруг возвратилась забытая со страху формула. Цифры всплыли из какой-то неподвластной времени глубины и впечатались в изнанку закрытых век, словно в негативную фотопластинку.

Я их узнал — это была та самая смертельная комбинация.

И как провозвестник начала изменений, ожил телефон — засветло нашла меня та, с которой когда-то ненадолго слепился в молодом трясучем желании. Подзабытый уже хрипатый голос, сдобренный, как всегда, бессмысленным матерком — фигурой русской речи, без которой язык наш ущербен и не вполне способен выражать сильные чувства и у женщин почти всегда звучит по-особенному грубо, сообщая окружающим про их беззащитность, — принадлежал Поле. Так для порядка я звал свою первую жену, первую Олю.

Начала она, как обычно, без разгона, словно продолжая вчерашний разговор про истории с

поездками в разные страны, про усталость от маминой старости и безо всякого стеснения о своих женских болячках, о врачах, которые совсем сошли с ума и берут не по-божески, а затем, прервав себя только на затяжку сигаретой, перескочила на неумение близких разглядеть широту ее души, великодушие и благородство помыслов, и все это было пересыпано множеством советов, на которые я невпопад угукал или молчал. Словом, неслось ко мне из трубки то же, что и раньше, будто не было между нами многих лет безмолвия, и таким славным этот водопад слов вдруг показался мне, что даже захотелось, чтобы звонок этот был бы не из сегодня, а из того далекого прошлого, когда я был безмятежно молод, и я подумал, что раздался он совсем не случайно.

— Что-нибудь случилось? — мне удалось вклиниться в паузу между затяжками.

— Ну почему ты совсем не меняешься? Деревяшка деревяшкой.

— Не понял.

— А тебе всегда было насрать на мою жизнь.

— Не всегда на самом деле. Серьезно, что не так?

— Все не так.

— Оль, в чем дело? Ты вообще как? В форме? Или просто поболтать захотела?

— А что, нельзя? Оторвала от молодой и красивой?

— Оль, это тебя не касается.

— Не имею права?

— Мне кажется, да.

— Засранец вы, Григорий Ильич! — На вы она переходила только в крайних случаях, перед тем, как начать плакать.

Дело принимало серьезный оборот и грозило серьезными разборками.

— Оля! О-л-я-я! Ты слышишь меня или нет?

— Не кричи, не глухая.

— Послушай, я на самом деле очень...

— Понятно. — В голосе ее уже слышался знакомый металл. — Я очень тороплюсь, опаздываю, мне некогда, давай в следующий раз, целую, пока. Правильно все сказала?

— Не нервничай ты так, что нужно сделать?

— Понимаешь, у дочки моей свекруха заболела.

— Кто заболел?

— Свекровь! Красотки твои жопастые на каком языке разговаривают? Может, вы Тургенева в постели читаете?

— Что с ней?

— Инсульт! Отнялось все справа и перекошило. Я знаю, у тебя есть знакомые, помощи с личной клиникой.

Откуда она что-то могла знать про меня, спрашивать я не стал, потому что боялся нарваться

на глупые подробности. Дал номер телефона знакомого доктора и, выслушав напоследок кучу обид вместо «спасибо», все-таки сумел разговор закончить.

Сменить номер телефона особенно после таких разговоров, может быть, и следовало, но я ленился, а скорее всего просто боялся оборвать линии, соединяющие с прошлым, — все-таки пока тебя помнят, ты вроде как существуешь. Помнили, конечно, по-разному и за разное — и те, кто был сейчас рядом, но еще больше те, с кем развели жизнь и характер. Но заводить секретный номер для особых людей или там отмалчиваться, обходиться эсэмэсками было мне как-то не по нутру.

Шлепая по полу босыми ногами, я пошел к окну понять про погоду, но там показывали только низкие, скучные облака, в которых тонули верхушки соседних башен. Тогда я включил телик, забрался с ногами в кресло и минут пять смотрел, как президент выпускает тигров в тайгу. Полосатый ломанулся со всех ног подальше от неволи, президент не удержал лицо и рассмеялся совсем по-пацански, а потом на экране появилась карта, вместе с заученно улыбающейся синоптической тетенькой. Она держала ноги в третьей балетной позиции и, несмотря на утреннее время, была одета в строгий костюм, но кроме дождя пообещать ничего не смогла.

Я вырубил звук и сразу об этом пожалел, потому что со всех сторон слышались ноющие и скрипучие песни дрелей, шлифовальных машин и перфораторов. Дом, в котором я снимал квартиру, был совсем новым, и кроме меня по-настоящему жили в нем еще только три или четыре семьи — в остальных квартирах шел бесконечный ремонт.

Впрочем, если честно, ближе к ночи в доме устанавливалась такая гробовая тишина, что страшновато было в подъезд заходить.

На кухне заурчала согревшаяся кофеварка и после чашки пахучего кенийского кофе, покружив еще немного по квартире, я быстро оделся и сбежал из дома.

3

Уж и не помню, когда вот так, не торопясь, я бродил по улицам. Обычно с утра как попадал в поток — работа, магазин, клуб, театр, а иногда в гости или к кому-то на дачу, так и заканчивал каждый день. Так что, шагая сегодня по кривой, но чистой плитке в сторону центра, среди непривычно большого количества скуластых восточных лиц вдруг ощутил себя приезжим.

Особенно это чувство усилилось, когда свернул с широченного проспекта в извилистый проулок, где уткнулся в толпу сплошь в плисо-

вых рубашках навыпуск, тапочках на босу ногу и тубетейках поверх лохматых либо наголо бритых голов. Люди эти смиренно проходили через рамки металлоискателей, перегораживающих улочку, и вливались в длинные ряды молящихся — они стояли на коленях прямо на мостовой и дисциплинированно отбивали поклоны под гортанные крики муэдзина, которые неслись из репродукторов на столбах освещения.

— У них праздник, а нам никакого житья здесь. — Возле дома, грузно опираясь на резную палку с янтарным набалдашником, стоял старик в черном, модном в советские годы пальто реглан и широкополой черной же шляпе — а-ля член политбюро.

— А здесь что, мечеть?

— Вы нездешний?

— Недавно приехал.

— Так передайте у себя — в Москве все бунтуют против этой дикости.

Мусульманский народ все прибывал, стремясь отчитаться перед Аллахом за прожитое время, и ему было все равно, что думали о нем старик и я, — люди эти были словно невесомы, бесшумно обтекали нас, не касаясь, а лица их были светлы и спокойны. Древняя молитва, отражаясь эхом среди домов и поднимаясь к неожиданно очистившимся от облаков, милосердным сегод-

ня небесам, превратила асфальт суетных Мещанских улочек в один общий храм.

— Разве важно, на каком языке ты молишься? Главное, зачем и почему тебе это нужно.

Впечатление от увиденного было таким острым, что глаза и уши отошли только на Садовом кольце — впрочем, ему-то было наплевать, что совсем рядом можно встретиться с богом, — оно продолжало гонять машины по кругу, и туда и обратно, по всяким непременно надобностям.

Открывшийся во мне ночью какой-то внутренний радар тащил меня по ему одному известному маршруту, но я и не сопротивлялся — дома на письменном столе меня дождался листок со страшными цифрами, и я не хотел торопиться.

На Сретенской площади, вконец испохабленной новомодными стекляшками, забрел в старую, еще времен грозного царя Ивана, белокаменную церковь, вдыхая терпкий дым ладана, постоял там, сравнивая лица стоящих у амвона с теми, кто искал бога на другой стороне улицы, и немного огорчился — просветленности и несуетности здесь было поменьше, не говоря уже про обтрепанные штанины брюк и совсем не подходящие для церкви пижонские мокасины, что выглядывали у толстомясого священника из-под золоченой ризы.